

Михаил ДЕРЖАВИН:

Я на собственных ребрах ощутил силу женской любви

Восьмого марта, в Международный женский день и день рождения Андрея Миронова, в московском Театре Сатиры выйдет новый спектакль. А Анатолий Эйрамджан скоро начнет снимать очередную версию «Бабника» — и у Михаила Державина станет больше одной не только театральной, но и киноролью.

Этот актер много работает в театре, снимается в кино, участвует в концертах, часто появляется на телеэкране... И все же как он стал мифом — мы не заметили. Державин — воплощение старого и милого советского телевидения (кто не помнит пана Ведущего из «Кабачка 13 стульев»?). Он олицетворяет прежний, сильный блестящей актерской плеядой Театр Сатиры (в былые времена его лицом были Папанов и Миронов, сейчас эта честь перешла к Державину и Ширвиндту). Державин кинозвезда, Державин побывал в зятях и у Аркадия Райкина, и у Семёна Михайловича Буденного... А сегодня он отвечает на вопросы корреспондента «Известий».

— Недавно в Театре Сатиры произошла «бархатная революция», Валентина Николаевича Плучека в кресле художественного руководителя сменил Александр Анатольевич Ширвиндт. Что изменилось с его приходом?

— Полным ходом идет работа над спектаклем-обозрением «Андрюша», посвященным Андрею Миронову, — в нем заняты все, кто с ним работал. Мы надеемся, что это будет не одноразовый спектакль: «Молчи грусть, молчи» делался как капустник, к юбилею Театра Сатиры, а в результате шел более пятнадцати лет... В первом представлении примут участие и дочери Андрея, и Николай Фоменко. Сейчас Андрей стал бы его тестем — к тому же он всегда был кумиром Коли. Сергей Арцибашев продолжит репетиции пьесы Ануя «Орнифль, или Сквозной ветерок», стол Александра Анатольевича Ширвиндта завален новыми пьесами...

— В какую же сторону движется ваш театр, не вернется ли он к тому, от чего его увел Плучек, — ведь до него всевозможные обозрения были коронным жанром Театра Сатиры?..

— Валентин Николаевич оставил очень крепкое хозяйство — в экономическом отношении театр находится в хорошей форме, на спектакли ходят зрители. Молодые люди, начавшие ставить в нашем театре, находятся в поисках пьес и продолжают линию Валентина Николаевича. А что до обозрений... ну как мы могли пройти мимо юбилея Андрея? Все остальное Ширвиндт просто отодвинул в сторону.

— Раз уж мы заговорили о Миронове... Скажите, насколько правдиво то, о чем писала в своей книге бывшая актриса вашего театра Татьяна Егорова, автор книги «Андрей Миронов и я», по-

ИТАР-ТАСС

дробно рассказавшая о своем романе с главным героем?

— Она человек литературно одаренный, но у нее слишком много домыслов и неточностей: честнее было бы назвать книгу «Андрей Римонов», ведь главный персонаж наполовину придуман. И — уж если говорить честно — такую книгу могли бы написать очень многие дамы, знавшие Андрея. Татьяна Егоровой повезло: она сделала это первой.

— О дамах: говорят, что еще несколько десятков лет тому назад был совершенно особый, к настоящему времени практически вымерший околосценический тип — театральной фанатки, «сырихи», сходящей с ума от молодых и популярных артистов...

— Став артистом Театра Ленинского комсомола, я сыграл свою первую большую роль в посвященной стилистам пьесе-фельетоне правдинского фельетониста Семёна Нариньяни и на собственных ребрах ощутил всю силу женской любви. Отрицательные героини нередко воспринимаются как положительные — вспомните хотя бы Остапа Бендера.

(Окончание на 8-й стр.)

Михаил ДЕРЖАВИН:

Я на собственных ребрах ощутил силу женской любви

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Судьба моего персонажа, стилига по кличке Бубусь, злого гения советской молодежи, сложилась так же — тем паче что к финалу он перековывался. Спектакль имел гигантский успех, и первые поклонницы заставили меня взглянуть на взаимоотношения мужчины и женщины с новой точки: некоторые из них были гораздо старше, чем я, и всячески меня домогались. Спокойно уйти после спектакля было невозможно: они ждали у служебного входа, и я удирал проходными дворами, как Ленин, спасающийся от облавы. Обычно у театра с цветами и претензиями стояли 5—6 женщин, и каждая хотела совершить поступок, которым можно похвастаться. «Я бросилась ему на шею! А я поцеловала в щеку!» Среди них были иногородние, школьницы и студентки, приехавшие в Москву на каникулы, но были и москвички. Видное место занимали профессиональные фанатки, дамы слегка не в себе. Они приходили на все спектакли, без конца кричали «браво!» и бросались цветами.

— Неужели никто из них вас не догнал?

— Я не давался. Дело в том, что я на всю жизнь запомнил совет, который мне дал старший товарищ, человек, которому я абсолютно доверял. Он был одним из ведущих артистов МХАТа, его знала вся страна. Однажды я встретил его, когда он шел в баню, и известный артист, прячась под плащом, начал жаловаться на жизнь: его замучила одна из поклонниц. Старший

товарищ позволил себе с ней переспать, после чего она его совершенно затерроризировала и испортила ему всю семейную жизнь. «Миша, — сказал он мне, — запомни мои слова: никогда не имей...» Он хотел, наверное, сказать: «не имей половых отношений с поклонницами» или что-то похожее, но сбился, запнулся и произнес: — Не будь с ними близок». У нас тогда был возвышенный язык.

— Как вы, молодой артист, богемный, легкий человек, уживались с командиром Первой конной, сталинским маршалом Буденным?

— Замечательно. С Ниной Буденной нас познакомила Юлия Леонидовна Хрушева, внучка Никиты Сергеевича, дочь его погибшего на войне сына. После этого деда ее удочерил. Она училась на факультете журналистики вместе с Ниной и в один прекрасный вечер привела ее на мой спектакль. Нине перед этим она сказала, что есть хороший парень, начинающий, но известный артист. Чего бы вам не встретиться... Все развивалось постепенно, шаг за шагом. У нас еще и романа-то не было, о женитьбе речь тем более не шла, но я уже чувствовал, что попал в совершенно новую, запретную для чужаков среду. Другие дома, другие — гигантские — квартиры, легендарные люди, которые в них обитали... И вот Нина сказала: «Я хочу познакомить тебя с родителями». Ты понимаешь, что такое познакомиться с Буденным? Все равно как если бы Сталин воскрес. Открывается дверь, Семен Михайлович меня встречает — боже, да он почти

родной!.. Может быть, дело было в том, что в спектакле «Олеко Дундич» мой отец играл Ворошилова, а Буденным был Борис Митрофанович Шухмин, которого я отлично знал. Рука у Буденного оказалась большой и теплой, на нем были темные, до блеска начищенные туфли, маршальские брюки с лампасами и шелковая рубашка-косоворотка, которую надевали под мундир. Он провел меня по квартире, показал свои шашки — они стояли на специальной стойке... На стене в кабинете висела огромная картина: Сальские степи, зеленый «Паккард», на переднем сиденье сидит Сталин в белом кителе, сзади — Ворошилов и Семен Михайлович. Все вместе очень напоминало известное полотно «Утро нашей Родины» — только там Сталин был один. Семен Михайлович принял меня очень хорошо, но мне все равно было жутко. Под одной крышей с Семеном Михайловичем я прожил с 1961 по 1973 год, вплоть до его смерти.

Анатолий Васильевич Эфрос как-то меня спросил: «Миша, Буденный читал «Войну и мир»?» Я знал, что Семен Михайлович читал очень много (а в последние годы, когда он почти ослеп на один глаз, я и сам читал ему вслух), но этот вопрос запал мне в голову. Я и спросил, а он ответил: «Сынок, первый раз — еще при жизни автора».

И ему пришлось хватить лиха: его первую жену, певицу Большого театра, репрессировали. Я помню историю его первой гражданской жены — и это тоже было тяжело...

— Что это была за история?

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

— Утверждали, что он ее застрелил. Из ревности. Доказательств этому нет, и я думаю, что все было не так... Впрочем, это уже не моя жизнь, и я о ней судить не берусь.

— И последний вопрос. Из того, что вы говорили о сегодняшнем Театре Сатиры, выри-

совывается идилическая картина...

— Да нет же, у нас много проблем. Но пока Александр Анатольевич никого не тревожит: он разгребает старые завалы, принимает хозяйство. Все только начинается — главные события впереди.

Алексей ФИЛИППОВ